

УДК 355/359

© Репперт Д., Золотарев П.С., Колдобский А.Б., Ромашкина Н.П., Ахтамзян И.А., Алексеев Д.С.
Reppert D., Zolotarev P., Koldobskii A., Romashkina N., Akhtamzyan I., Alekseev D.

**ИРАНСКИЙ ЯДЕРНЫЙ КРИЗИС:
РОССИЙСКИЙ И АМЕРИКАНСКИЙ ПОДХОДЫ К УРЕГУЛИРОВАНИЮ**
(Материалы международного круглого стола, проходившего в г. Москве 5 апреля 2012 г.)

**"THE IRANIAN NUCLEAR CRISIS:
RUSSIAN AND AMERICAN APPROACHES TO THE SETTLEMENT "**
(Proceedings of the International Roundtable, held in Moscow on April 5, 2012)

Аннотация. 5 апреля 2012 г. в Москве, в гостинице Метрополь, проходил круглый стол по теме «Иранский ядерный кризис: российский и американский подходы к урегулированию», организованный Европейским центром изучения вопросов безопасности им. Дж. К. Маршалла и Российской Ассоциацией его выпускников. На встрече обсуждались военно-политические, физико-технические и энергетические проблемы развития ядерного комплекса Ирана, соблюдение требований Ираном ДНЯО, результаты проверок МАГАТЭ, возможности ядерного распространения на Ближнем и Среднем Востоке, взгляды российских и американских экспертов на варианты урегулирования проблем на глобальном и региональном уровне и другие вопросы.

Annotation. Round Table on theme "Iranian Nuclear Crisis: Russian and American Approaches to Settlement" organized by George C. Marshall European Center for Security Studies and Russian Association of its alumni was held in the Moscow Hotel "Metropol" on April 5, 2012. Military-political, physical-technical and energy problems of Iran's nuclear complex development, maintenance of NPT requirements by Iran, IAEA's inspections results, nuclear non-proliferation's in the Near and Middle East probability, Russian and American experts opinions on ways of problems settlement on global and regional levels and other questions were discussed at the meeting.

Ключевые слова. Ядерная программа, ядерный кризис, ядерная энергетика, распространение ядерного оружия, «Арабская весна».

Key words. Nuclear program, nuclear crisis, nuclear power engineering, proliferation of nuclear weapons, "Arab Spring".

**Ядерная программа Ирана:
нерешенные проблемы**

(Джон Репперт. Европейский Центр исследований проблем безопасности им. Джорджа К. Маршалла)

Прежде всего, мне хотелось бы подчеркнуть злободневность и важность обсуждаемого вопроса, а имен-

но, ядерной программы Ирана. Я не сомневаюсь в том, что существует множество различных мнений по поводу статуса этой программы, а также сопутствующих вопросов, к примеру, следующих: в чем заключается ее конечная цель и должны ли мы предпринимать что-либо в связи с этим, и если должны, то, что именно?

Репперт Джон – декан, Европейский Центр исследований по вопросам безопасности им. Дж. К. Маршалла.
Золотарев Павел Семёнович – кандидат технических наук, заместитель директора, Институт США и Канады РАН;
Колдобский Александр Борисович – кандидат физико-математических наук, заместитель директора, ИМО НИЯУ МИФИ;
Ромашкина Наталья Петровна – кандидат политических наук, научный сотрудник, ИМЭМО РАН;
Ахтамзян Ильдар Абдулханович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России, МГИМО МИД РФ, тел. 8(499)763-36-87;
Алексеев Денис Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора, ИИМО СВУ.

Reppert John – dean, European center for security studies to them. George C. Marshall;
Zolotarev Pavel – Ph.D., deputy director, Institute of USA and Canada;
Koldobskii Alexander – Ph.D. in physics and mathematics, associate director, IMO NRNU MIFI;
Romashkina Natalia – candidate of political science, research fellow, IMEMO RAS;
Akhtamzyan Ildar – candidate of historical sciences, professor, associate professor of international relations and foreign policy of Russia, MGIMO, tel. 8 (499) 763-36-87;
Alekseev Denis – candidate of historical sciences, professor, deputy director, IiMO SSU.

Я предложил организаторам встречи поделить вопросы в рамках рассматриваемой проблемы на три основные категории.

Во-первых, что именно нам известно о ядерной программе Ирана? Во-вторых, в каких вопросах России, США и МАГАТЭ удалось найти общие точки соприкосновения? В-третьих, что остается неясным или спорным?

Целесообразно начать с обсуждения вопросов из первой категории. К примеру, мне кажется, что нет почти никаких сомнений в том, что за последние пять лет Иран значительно расширил свою программу по ядерному обогащению. Кроме того, существуют проблемы в отношениях Ирана с МАГАТЭ, касающиеся выполнения Ираном требований Договора о ядерном нераспространении (ДНЯО). Так, например, Иран не сообщил в соответствии с этими требованиями о создании нового подземного оборудования для обогащения урана. Важнейшим фактом в этой категории является заявление Израиля о том, что им будет предпринята военная акция в целях предотвращения создания иранского ядерного оружия (ЯО). Существует также информация об использовании специальных программ, направленных на предотвращение дальнейшего развития иранской ядерной программы, подобные программе STUXNET.

Что бы можно было предложить в качестве примеров из этой категории в отношении того, «что нам известно»?

Я очень рад, что все мы располагаем солидным багажом знаний, на основе которых будет строиться наша дискуссия. Учитывая вышесказанное, давайте рассмотрим вопросы, в отношении которых Россия, США и МАГАТЭ пришли к общему знаменателю.

Например, мы все наверняка, согласны с тем, что Иран имеет полное право на реализацию ядерной программы в мирных целях в соответствии с ДНЯО и необходимость обеспечения страны электроэнергией, которая частично может быть удовлетворена с помощью ядерной энергии, также законна. При этом мы согласны и с тем, что Иран не выполняет оговоренные в ДНЯО требования в отношении прозрачности своей ядерной программы. Кроме того, он настаивает на переработке отработанного ядерного топлива (ОЯТ) со своих АЭС собственными силами, несмотря на непрактичность и нецелесообразность данных действий при наличии иных, более рациональных вариантов, например, в соответствии с предложениями России. Еще один вопрос, по которому наши страны пришли к консенсусу: наилучшим вариантом решения иранской ядерной программы на данном этапе является введение новых санкций.

По каким еще вопросам, не утратившим актуальность, мы можем прийти к общему согласию?

Мне хотелось бы задать вопросы, которые скорее всего вызовут наибольший интерес: что именно остается неясным в тех вопросах, по поводу которых наши страны вступают в полемику?

Позвольте мне начать с самого распространенного вопроса: использует ли Иран средства мирной ядерной программы для наработки потенциала с целью создания ЯО? Другие вопросы: основана ли неготовность ИРИ к полному сотрудничеству с МАГАТЭ на законных опасениях в отношении своей безопасности? Может ли развитие ядерной программы Ирана вне зависимости от ее реальных целей привести к вооруженному конфликту в регионе? Существуют ли способы укрепления региональной стабильности? И если да, то какие?

Существуют различные данные, и нет ясности в отношении того, сколько низкообогащенного урана (НОУ) 19,75% требуется Ирану (существуют законные способы его применения) и для каких целей?

Если Иран примет решение об осуществлении программы по получению ЯО, то сколько времени останется на ведение переговоров? Исходя из различных оценок специалистов, с учетом возможностей существующих у Ирана центрифуг, на производство одной единицы ЯО (около 20 кг высокообогащенного урана –90%) потребуется от 30 дней до полугода.

И, наконец, не приведет ли иранская ядерная проблема к дальнейшему ядерному распространению в регионе? Будут ли другие страны (например, Саудовская Аравия) вслед за Ираном стремиться к получению ядерного оружия?

Ядерная проблема Ирана и геополитика США

(Золотарев Павел Семенович, Институт США и Канады Российской академии наук)

В отношении ядерной проблемы Ирана можно отметить несколько очевидных моментов:

- России Иран с ЯО не нужен;
- Иран имеет право на развитие ядерных программ, непротиворечащих ДНЯО;
- Иран имеет право на дальнейшее совершенствование ракетных технологий космической направленности;
- ядерная программа Ирана – национальный приоритет, поддерживаемый абсолютным большинством населения и политическими силами страны, силовое давление на Иран способно привести к власти еще более радикальные силы, настроенные на создание ЯО;

- Иран имеет мотивацию к созданию ЯО;
- Иран имеет разветвленную ядерную инфраструктуру, часть объектов в которой высокозащищенные;
  - гарантированное уничтожение всех объектов ядерной инфраструктуры Ирана без проведения операции сухопутных войск только ударами высокоточного оружия невозможно;
  - создание Соединенными Штатами в ближневосточном регионе коалиционной группировки войск, способной вести успешные боевые действия в Иране, крайне маловероятно.

Как представляется, основная цель ядерной программы Ирана связана со стремлением стать пороговым ядерным государством, таким, как Япония, ЮАР и целый ряд других государств. Иран вполне может ограничиться владением ядерными и ракетными технологиями, позволяющими, в зависимости от складывающейся обстановки, относительно быстро создать ЯО и его ракетные носители любой дальности. Достичь статуса порогового государства Иран может, не нарушая требований МАГАТЭ.

Отсюда напрашивается вывод. Предотвратить появление ЯО в Иране можно, лишь снизив уровень мотивации к его обладанию. Выполнение требований МАГАТЭ при этом должно быть обязательным.

Мотивация обладания ЯО у Ирана имеет несколько составляющих. Прежде всего, это Израиль с «ядерной бомбой в подвале». Израиль не признает, но и не отрицает наличие ЯО. Вторая важная составляющая мотивации – стремление Ирана к региональному лидерству. Ядерное оружие – мощный фактор, повышающий политический статус не только в региональном, но и глобальном масштабе.

Реальна ли цель снижения уровня мотивации Ирана к обладанию ЯО?

Ядерное оружие Израиля играет в некотором смысле уникальную роль. У Израиля нет состояния взаимного ядерного сдерживания ни с одним из государств. В окружении арабских государств, абсолютно превосходящих Израиль по численности вооруженных сил, Израиль рассматривает ядерное оружие, как «оружие судного дня». Применение ЯО Израилем будет губительно и для него самого. Ядерное оружие Израиля – крайнее средство в безвыходной ситуации поражения в войне обычным оружием.

Теоретически можно допустить, что при юридической гарантии безопасности, например, со стороны ООН или основных ядерных государств Израиль может отказаться от ЯО. Вероятность такого решения крайне мала, но отсюда вовсе не следует, что дипломатические

усилия в этом направлении лишены смысла.

Что касается Ирана, то его стремление к ЯО ради повышения регионального и глобального статуса тоже далеко не абсолютно. Вероятно, что руководство Ирана понимает, что став обладателями ядерного оружия, они вызовут цепную реакцию в регионе. Помимо Израиля и Пакистана, ядерное оружие появится и у других государств Ближнего Востока. Даже если допустить, что мировое сообщество спокойно отнесется к ядерному оружию в Иране, для самого Ирана оно потеряет ожидаемую политическую и военную значимость. Но в реальности, перспектива ближневосточных энергодобывающих государств с ядерным оружием не соответствует интересам ни мирового сообщества, ни Ирана.

Отсюда напрашивается второй вывод. Решение ядерной проблемы Ирана имеет положительную перспективу только на путях дипломатических усилий, а не угроз применения военной силы.

Тем не менее реальная политика по отношению к Ирану все в большей степени склоняется к экономическому давлению и силовым акциям. Как представляется, причины складывающейся ситуации в решающей степени связаны с геополитическими интересами США.

Судя по последним доктринальным документам, Соединенные Штаты официально признали, мир уже стал многополярным, появилось несколько государств, являющихся центрами силы глобального уровня. Наибольшее беспокойство у США вызывает растущая экономическая и военная мощь Китая.

В целом с цивилизационных позиций, складывается парадоксальная ситуация. Есть глобальные центры силы западной цивилизации, мощные центры силы конфуцианско-буддистской культуры, но до сих пор нет центра силы исламского мира. На такую роль, судя по всему, претендует Иран.

Если даже исключить все прочие факторы, для США недопустимо появление на Ближнем Востоке регионального лидера, относящегося враждебно к Израилю. Независимо от перспективы появления ядерного оружия, Иран в качестве регионального лидера с позиций США недопустим.

Следующая составляющая геополитических интересов США связана с провозглашенной задачей сохранения глобального лидерства в многополярном мире. Как можно решать эту задачу в условиях серьезных собственных экономических проблем?

Если не можешь сам обеспечить собственное опережающее развитие, то возникает стремление затормозить развитие остальных соперников. Но прямые действия

против главного своего соперника Китая для Соединенных Штатов исключены. Уровень экономических связей Китая и США можно охарактеризовать по аналогии с взаимным гарантированным ядерным уничтожением между Россией и США, как «взаимное гарантированное экономическое уничтожение», но уже между Китаем и США.

В условиях неприемлемости прямых методов воздействия на темпы экономического и военного развития Китая возможно применение методов косвенного воздействия. С этих позиций, по всей видимости, имеет смысл оценивать события «арабской весны» и тенденцию нестабильности во всем ближневосточном регионе. Африка и Ближний Восток - регионы, важные для таких новых глобальных центров силы, как Китай и Индия. Ливия была одним из значимых источников поставки нефти в Китай. Иран еще более важен для Китая и для Индии в качестве поставщика нефти и газа.

Есть все основания предполагать, что политика США по отношению к Ирану лишь косвенно взаимосвязана с ядерной проблемой. Иран необходим для Соединенных Штатов в силу ряда причин.

- С окончанием холодной войны исчез осязаемый враг. Международный терроризм – самая серьезная реальная угроза, но этот враг слишком размыт, трудно осязаем. С таким врагом трудно добиться финансирования военных программ, обеспечивающих поддержку отрыва США по передовым технологиям от остальных стран мира. Иран в качестве врага уже дал основание для развертывания системы ПРО США и на собственной территории, и на региональном уровне.

- После Ирака и Ливии образ врага в лице Ирана дает основание США для дальнейших активных действий в регионе. Именно Иран и его последний союзник в регионе Сирия позволяют Соединенным Штатам использовать механизм управляемого кризиса.

- Угроза военных действий против Ирана, как и в целом дестабилизация ситуации в регионе, создает серьезную угрозу для России на Кавказе. Применение механизма управляемого кризиса на Ближнем Востоке одновременно создает условия для косвенного влияния в случае необходимости на развитие России.

В целом напрашивается вывод, что ядерная проблема Ирана в значительной степени связана с геополитическими интересами США в условиях формирования многополярного мира.

В то же время существуют реальные перспективы решения как ядерной проблемы Ирана, так и региональной стабильности дипломатическими усилиями. В частности, Россия совместно с Китаем вполне может воздей-

ствовать на руководство Ирана в интересах соблюдения требований МАГАТЭ. В этом случае оснований для силового давления на Иран не будет, как и не будет уровня мотивации, стимулирующего создание ЯО.

Некоторые аспекты декларируемого развития ядерного комплекса Ирана

(Колдобский Александр Борисович, Институт Международных отношений Национального исследовательского ядерного университета (НИЯУ) МИФИ)

Перед тем, как изложить свое сообщение по существу, мне хотелось бы сделать несколько замечаний по уже сделанным сообщениям.

Два замечания по выступлению Джона Репперта. Да, конечно, можно спорить, насколько Иран выполняет или же не выполняет предъявляемые ему требования МАГАТЭ. Но иногда создается впечатление, что позиция МАГАТЭ в отношении Ирана не всегда является вполне независимой и объективной. А это очень печально, потому что заслуженно высокий статус МАГАТЭ в наши дни именно и обусловлен ее независимостью и объективностью. К сожалению, произошедший недавно эпизод с утечкой конфиденциальных материалов как раз по иранской проблематике из секретариата МАГАТЭ добавляет много раздумий именно в этом направлении. Как известно, он уже вызвал резкую реакцию российской стороны, и дальнейшее развитие событий в таком русле может привести также к внутреннему разладу в МАГАТЭ, что не нужно никому.

Второе. Меня поражает, как спокойно, как о каких-то вариантах обеденного меню обсуждаются варианты вооруженного вмешательства во внутренние дела независимого государства даже без попыток притащить хоть за уши какое-то юридическое обоснование такого вмешательства. А ведь речь идет о том, что в международном праве называется просто и емко – агрессия. И если мы будем пытаться строить международные отношения по такой логике, то о том, что называется международным правом, мы будем вынуждены забыть очень быстро, ибо в мире будет царствовать один единственный принцип – закон джунглей. А в такой ситуации любые рассуждения относительно ДНЯО, МАГАТЭ и пр. попросту теряют смысл. Все эти понятия имеют смысл лишь в правовой системе. Повторяю, мне очень трудно это понять.

Теперь по выступлению коллеги Золотарева. Я не вполне согласен с его интерпретацией наличия у Ирана баллистических ракет средней дальности как некой промежуточной стадии для развития гражданской космической программы. Чисто технически это может быть и так,

но страны, которые находятся с Ираном в, мягко говоря, непростых отношениях, Израиль в первую очередь, вправе видеть в этих ракетах лишь то, что они собой представляют по существу – средства вооруженной борьбы. Конечно, предъявлять Ирану какие-либо претензии по поводу наличия у него этих ракет – дело бессмысленное, неправомерное, да и, в конце концов, Израиль и сам имеет ракеты подобного класса. Но вовсе не принимать во внимание их чисто военное назначение, как и то, что по критерию «эффективность-стоимость» они совершенно бессмысленны, как носители обычных военных боеголовок, тоже нельзя.

Теперь по существу. Должен откровенно сказать, что у меня, инженера-ядерщика, не вызывает позитивных эмоций неоднократно прозвучавший уже и здесь термин «подозревается в ...». «Подозрения» как таковые надо обсуждать не за круглыми столами, а на приеме у психоаналитика. «Подозрения» должны иметь под собой какую-то значимую физико-техническую, экономическую или иную базу, чего в данном случае откровенно мало. Вот и строится доказательство по схеме «это так, потому это не иначе».

Но вопросы есть. И такие, которые часто переходят, с точки зрения технической и политической, в недоумение. Вот смотрите. Иран утверждает, что промышленное обогащение урана необходимо ему для топливного обеспечения национальной ядерной энергетики. Но зададимся вопросом: а что собой представляет ядерная энергетика вообще и ядерная энергетика Ирана, в частности, с точек зрения физико-технической и экономической? Во-первых, ядерное топливо нельзя уподобить углю, который лопатой бросается в топку печи. Чтобы обогащенный уран стал ядерным топливом, нужно огромные технические переделы, имеющие конечной целью изготовление тепловыделяющих элементов и топливных сборок. А это сложнейшие технологии, никак не уступающие собственно обогащению. Может быть, и превосходящие их. Для сравнения скажу: в настоящее время в России 4 предприятия по обогащению урана и 2 завода по фабрикации топлива. Следует также понимать, что конструктивное оформление топлива определяющим образом влияет на безопасность атомной энергетики. Не будем забывать, что именно с нарушением целостности тепловыделяющих элементов (ТВЭЛ) и связаны наиболее тяжелые ядерные аварии современности. Готов ли Иран к решению этой, повторяю, сложнейшей технологической задачи в промышленном масштабе? Ответ очевиден – нет.

Во-вторых, ТВЭЛы и топливные сборки для различных типов реакторов не взаимозаменяемы. С другой

стороны, ни одной собственной конструкции энергетического реактора у Ирана нет и непохоже, чтобы таковая скоро появилась. Во всяком случае, надеяться на то, что Иран создаст такой реактор полностью самостоятельно, без научно-технической помощи извне сейчас совершенно нереалистично, как и на то, что такая помощь в сложившихся обстоятельствах будет оказана Ирану хотя бы одной страной мира. А вот производство ядерного топлива для несуществующих реакторов при отсутствии хотя бы одной прототипной конструкции – такого в мировой атомной энергетике еще не случалось.

Далее, законы экономики атомной отрасли во всем мире имеют универсальный характер, а они однозначно свидетельствуют о полной экономической бессмысленности собственного национального производства ядерного топлива, если количество ядерных энергоблоков в стране не превышает 8-10. Это сравнимо с ситуацией, когда обсуждается вопрос о наличии собственной ремонтной базы для имеющихся в распоряжении автомашин. Понятно, что если это число – несколько единиц, то всегда выгоднее отдать сломавшуюся машину в какой-то сервис, если же это число значительно (десяток или более), то целесообразнее иметь собственное ремонтное предприятие. Поэтому Иран, настаивая на производстве ядерного топлива, не то что при ограниченном количестве ядерных энергоблоков, а и вовсе при их отсутствии (Бушер – не в счет – у него общеизвестный особый статус) поступает вопреки экономике и в явный ущерб собственному карману, а такие действия, повторюсь, всегда вызывают, как минимум, недоумение. Тем более, что мировой ядерный рынок перенасыщен топливом – предложение превышает спрос.

Или история со строящимся каналным тяжеловодным реактором в Араке. Даже неважно, в конце-то концов, будет он построен или нет. Речь – о категорическом отказе Ирана прекратить это строительство, невзирая ни на какие аргументы извне. Аргументы, надо сказать, вполне разумные.

Для начала вспомним вещь печальную, но, увы, истинную. С чего бы не начинали, по изначальному (декларируемому или скрываемому) замыслу каналные тяжеловодные реакторы значительной (свыше 40 МВт) тепловой мощности заканчивали одинаково – наработкой оружейного плутония. Так было в Индии, в Израиле, в Пакистане (впрочем, статус пакистанского Кхушаба в настоящее время не совсем ясен). В этом смысле нет серьезных оснований полагать, что реактор в Араке ждет какая-то исключительная судьба. А ведь тяжеловодный реактор, по существу, имеет перед легководным, с топливом на осно-

ве слабообогатенного урана, одно единственное преимущество – в его активной зоне достигаются гораздо более высокие плотности потока нейтронов. Если же мы сопоставим это с возможностью тяжеловодного реактора работать на топливе на основе естественного урана, то становится ясно, что для производства оружейного плутония он, действительно, приспособлен идеально. То, что в таком реакторе из-за малого запаса реактивности часто приходится менять топливные сборки для наработки оружейного плутония не минус, а плюс: для достижения его необходимой кондиционности именно «короткие» облучения и нужны. А вот использовать такой реактор в декларируемых Ираном целях (наработка радионуклидной продукции, получение нейтронных пучков в терапевтических целях) гораздо менее удобно, чем на легководном реакторе. При этом не надо забывать, что баковый легководный реактор Ирану не раз и не два предлагали поставить на этой же площадке на выгодных для него условиях возведения «под ключ».

Я хочу еще раз повторить: речь идет не о подозрениях – речь идет о наличии вопросов, на которые я, как инженер-ядерщик, не могу найти ответа. С другой стороны, непротиворечивых объяснений по этим проблемам мы не слышим и от наших иранских коллег. Полагаю, что их прояснение сыграло бы никак не меньшую позитивную роль, чем обсуждение различных архитектур переговорного процесса, где пока что сама постановка вопроса не вполне ясна. Но закончить я хочу тем, о чем говорил ранее. Ни «подозрения», ни недоумения не могут и не должны решаться в отрыве от понимания необходимости сохранения пусть во многом несовершенной, но работающей системы международного договорного права.

Я призвал бы всех любителей «почесать кулаки» посмотреть на карту региона. Иран разделяет две обширные зоны политической и военной нестабильности: Восточное Средиземноморье (Израиль, Сирия, Ирак) и Южную Азию (Афганистан, ядерный Пакистан). Вот теперь давайте ударом по Ирану с использованием единственного принципа «кулак шире лба» замкнуть эту дугу... По меткому выражению А.Г.Арбатова, мы получим в этом регионе геополитическую «черную дыру», в которой события могут развернуться как угодно, и откуда можно ждать каких угодно угроз. Скажите, в чьих интересах такое развитие событий?

Для меня, думаю, и для вас, вполне очевидна внутренняя противоречивость многих положений моего сообщения. Но такова уж обсуждаемая нами проблема, сложнейшая и противоречивая сама по себе. И, упаси нас Боже, эту проблему упрощать – тогда нас немину-

емо ждет, говоря словами У. Черчилля, «быстрое, красивое и неправильное решение». Нельзя, конечно, исключать и того, что вся обсуждаемая нами проблема лежит совершенно в иной плоскости: что иранскому руководству все это нужно для набора политического рейтинга внутри страны и для демонстративного позиционирования в качестве врага США и Израиля – с целью «оседлать» антиамериканские и антиизраильские настроения широких масс населения в регионе. А для США Иран в таком случае – тот враг, без которого нельзя. В противном случае его пришлось бы выдумать. Впрочем, это лишь подожрения. А с ними – к психоаналитику...

Проблема ядерного распространения на Ближнем и Среднем Востоке

(Ромашкина Наталья Петровна, Центр международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук)

Прежде чем перейти к рассмотрению непосредственно проблемы ядерного распространения на Ближнем и Среднем Востоке, мне хотелось бы очень коротко обозначить некоторые характеристики этого сложного региона, оказывающие существенное влияние на оценку вероятности распространения ЯО. Они связаны с политической ситуацией, характером режимов с учетом тех изменений, которые сейчас происходят во многих его странах, их внешнеполитической ориентацией, а также социально-экономическими процессами, вызывающими повышенный интерес мирового сообщества. Такое внимание объясняется следующими факторами:

- стратегическая значимость региона для топливно-энергетического обеспечения мировой экономики за счет колоссального резерва углеводородных носителей;
- роль государств региона как выгодного рынка капиталовложений, импорта продукции, в том числе военной, а также передовых технологий промышленно развитых стран;
- значение группы государств региона в качестве финансового донора США и Западной Европы (в западных банках только Саудовская Аравия, по экспертным оценкам, аккумулировала около 500 млрд. долларов);
- роль и место ислама в современном обществе, имеющем в последние годы особую значимость ввиду его политизации и возрастания самоидентификации мусульман в различных регионах мира, включая Россию;
- концептуальный подход стран региона к обеспечению национально-государственной безопасности,

имеющий особую значимость в современных условиях;

- нерешенность одного из наиболее длительных и острых региональных конфликтов после Второй мировой войны — арабо-израильского;
- государственные, военно-политические и социальные процессы в Афганистане и Ираке;
- события, связанные с революционной сменой режимов в ряде государств, называемые «Арабской весной»;
- проблема размещения в государствах региона крупнейших опорных баз «международного терроризма».

Исходя из учета этих и других факторов, характеризующих регион, встает вопрос о том, превратится ли угроза ядерного распространения на Ближнем и Среднем Востоке в глобальную острую проблему уже в обозримой, ближнесрочной перспективе. Что позволяет говорить сегодня о росте вероятности распространения ЯО в этом регионе?

Во-первых, наличие неофициального ядерного государства Израиль, придерживающегося политики «ядерной неопределенности».

Во-вторых, рост вероятности появления ЯО у Ирана, т.е. иранский ядерный кризис, являющийся главной темой нашего мероприятия.

В-третьих, конфликтные отношения между многими мусульманскими государствами, осложненные внутригосударственными противоречиями между двумя основными конфессиями ислама — суннитами и шиитами.

В-четвертых, ядерные военные программы, которые велись некоторыми странами в прошлом (Ирак, Ливия). В свете тех политических изменений, которые произошли в Ливии в прошлом году, анализ событий, связанных с отказом Ливии от разработки военной ядерной программы, приобретает особое значение при оценке возможностей распространения ЯО в регионе. И если ранее пример Ливии анализировался как позитивный, то сегодня он не в пользу режима ядерного нераспространения.

Кроме того, государства региона обладают баллистическими ракетами, и их распространение продолжается (они представлены на слайдах (см. таблицу и рисунок)). Из этих данных видно, что наиболее мощными ракетами располагает Израиль, Иран и Королевство Саудовская Аравия. Отмечу, что оценки сроков завершения работ над иранскими БР большой дальности у российских и западных экспертов существенно расходятся.

И, наконец, в регионе имеются ядерные объекты энергетического, научно-исследовательского характера и ядерного топливного цикла.

Египет имеет два исследовательских реактора, на которые распространяются гарантии МАГАТЭ. В насто-

ящее время у государства нет возможности производить оружейные ядерные материалы, хотя в 1998 г. было заявлено, что Каир создаст или приобретет ЯО, если в нем возникнет политическая и военная необходимость. В связи с этим заслуживает внимания расследование, которое осуществлялось по линии МАГАТЭ, результатом которого явился вывод экспертов Агентства на основании открытых научных публикаций о весьма вероятном осуществлении в Египте НИОКР, целью которых может быть получение знаний о реализации программы создания ЯО. Перед Каиром были поставлены соответствующие вопросы.

В Алжире действуют два исследовательских реактора аргентинского и китайского производства мощностью 10—15 МВт, находящиеся под гарантиями МАГАТЭ.

В 1999 г. Сирия подписала с Россией десятилетнее соглашение о сотрудничестве в мирном использовании ядерной энергии. В настоящее время в стране отсутствует военная ядерная программа и научно-технические предпосылки создания ЯО.

После отказа Ливии от создания и обладания ЯО (и другими видами ОМУ) и передачи имевшихся материалов и оборудования Соединенным Штатам эту страну можно исключить из числа потенциальных обладателей ЯО даже в отдаленной перспективе. Однако, повторюсь, анализ этого события представляет большой интерес с точки зрения воздействия на ситуацию в ядерном нераспространении в целом.

В последнее время в контексте проблемы ядерного распространения все более часто рассматривается Королевство Саудовская Аравия. В конце прошлого года в мировых СМИ появились сообщения о том, что правящая королевская династия Саудовской Аравии заявила о возможности принятия решения о появлении в стране ЯО. По некоторым данным, в КСА уже предприняты конкретные шаги, направленные на создание и развитие ядерной программы пока, по заверениям из Эр-Рияда, мирного характера. Уже в 2012 г. будет объявлен тендер на строительство первого в стране ядерного реактора. Об этом сообщили представители действующего на территории Саудовской Аравии Центра исследований в области возобновляемой и атомной энергии, амбициозная программа которого рассматривает возможность постройки 16 атомных реакторов уже к 2030 г., что позволит Саудовской Аравии выйти на лидирующие позиции среди мировых ядерных держав. Не исключается и программа получения ЯО, отправной точкой для которого и может стать текущая мирная программа.

По словам Турки аль-Файсала, принца, обладающего большим авторитетом в стране, возглавлявшего в

БР государств Ближнего и Среднего Востока

Название	Альтернативное название	Класс	Полезная нагрузка	Дальность (км)	Статус
Египет					
Project T	Scud B мод.	БРМД	Моноблок	450	На вооружении
Израиль					
Jericho 1	YA-1	БРМД	Моноблок	500	Устаревшая
Jericho 2	YA-3	БРСД	Моноблок, 1000 кг	1500	На вооружении
Jericho 3	YA-4	БРСД	Моноблок, 1000-1300 кг	4800-6500	В разработке
Ирак					
Al Hussein	Project 1728, Al Hijara	БРМД	Моноблок, 500 кг	630	Неизвестен
Al Samoud	Al-Samed	БРМД	Моноблок, 300 кг	200	Неизвестен
Иран					
Fateh A-110	Mershad; Zelzal-2 мод.	БРМД	Моноблок, 500 кг	210	На вооружении
Ghadr-110	–	БРСД	–	1800	Неизвестен
M-11 мод.	DF-11/CSS-7/Tondar 68/Ghadr	БРМД	Моноблок, 500 кг	400	Неизвестен
M-9 мод.	DF-15/CSS-6	БРМД	Моноблок, 320 кг	800	Неизвестен
Sajjil	Sajjil-2, Ashoura	БРСД	1000 кг	2200	В разработке
Shahab 1	Scud B мод., Shehab-1	БРМД	Моноблок, 985 кг	300	На вооружении
Shahab 2	'Scud C' мод.	БРМД	Моноблок, 770 кг	500	На вооружении
Shahab 3	–	БРСД	Моноблок, 1200 или 800 кг	800-1300	На вооружении
Shahab 3 мод.	Shahab 3A/B, Ghadr-1	БРСД	800 кг	1500-2500	На вооружении
Shahab 4	–	БРСД		2000-3000	В разработке
Shahab 5	–	БРСД или МБР	Моноблок	4000+	В разработке
Shahab 6	–	МБР или РН	Моноблок	6000+	В разработке
Zelzal-1/2/3	–	БРМД	Моноблок	125/200/ 150-400	На вооружении
Саудовская Аравия					
DF-3 CSS-2	–	БРСД	Моноблок	2700	Неизвестен
Ливия					
Al Fatah	–	БРСД	Моноблок, 500 кг	1300-1500	В разработке
Scud B мод.	–	БРМД	Моноблок	300	На вооружении
Сирия					
M-11 мод.	DF-11/CSS-7	БРМД	Моноблок, 800 кг	280	На вооружении
M-9 мод.	DF-15/CSS-6	БРМД	Моноблок, 320 кг	800	Неизвестен
Scud B/C/D мод.	–	БРМД	Моноблок	–	На вооружении
Турция					
Project J	Toros	БРМД	Моноблок	150	Неизвестен

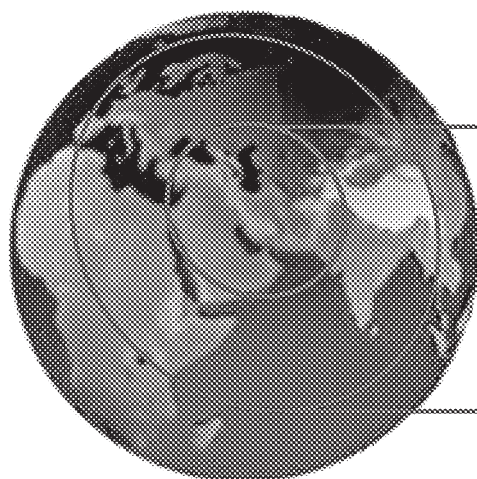
прошлом местные спецслужбы и являвшегося послом в США, данные меры станут ответом на ядерную программу Ирана. Так как, по его словам, мировым сообществом меры по предотвращению этого не принимались, то Королевство вынуждено готовить ответные меры в ответ на возникшую угрозу.

Однако, безусловно, не только иранская угроза вынуждает КСА к обладанию ЯО. Потенциальный «враг», уже обладающий таким оружием – Израиль, который, по заявлениям королевской династии провоцирует другие

страны готовить свой ответ возможной угрозе с его стороны. Так, по словам замминистра иностранных дел Саудовской Аравии Турки бин Мухаммада, его Королевство поддерживает идею свободного от данного типа вооружения Ближнего Востока. Но Израиль, который отказывается подписать ДНЯО, мешает ее осуществлению.

Однако, очевидно, что на данный момент в Королевстве нет необходимой для осуществления этих угроз научной и промышленной базы. И пока возможность появления у страны, ориентированной большей частью на

БР «Шахаб 1» (Shahab 4) Дальность: 330 км Вес нагрузки: 985 кг Высота: 11,2 м
БР «Шахаб 2» (Shahab 5) Дальность: 700 км Вес нагрузки: 700 кг Высота: 12,3 м
БР «Шахаб 3» (Shahab 3) Дальность: 1200 км Вес нагрузки: 1200 кг Высота: 16,6 м
БР «Шахаб 4» (Shahab 4) Дальность: 2000 км Вес нагрузки: 1000 кг Высота: 25 м
БР «Шахаб 5» (Shahab 5) Дальность: 4000 км Вес нагрузки: 1000 кг Высота: 32 м

Дальность находящихся на вооружении и разрабатываемых БР ИРИ «Шахаб» (Shahab).

добычу нефти, ядерной программы представляется весьма расплывчатой и туманной. Совершенно ясно, что в ближайшие годы с использованием своих разработок КСА не сможет запустить ядерную программу. Впрочем, есть информация о предварительных переговорах представителей Королевства с Пакистаном, который якобы в обмен на поставку дешевой нефти пообещал свою помощь в получении необходимых ядерных технологий. На официальном уровне, по понятным причинам, данная информация своего подтверждения не нашла.

Однако вполне вероятно, что эти «ядерные» заявления делаются для достижения других политических целей.

В целом в отношении КСА могут прогнозироваться и соответственным образом оцениваться три возможных стратегических варианта.

1. Приобретение ЯО в качестве средства:

- сдерживания для обеспечения военно-политического выживания государства;
- сдерживания регионального или глобального противника, обладающего ОМУ;
- сдерживания превосходства в обычных вооружениях;
- достижения политической гегемонии на уровне региона;
- для выгодного дипломатического торга, а также как предмет национальной конфессиональной гордости в мусульманском государстве.

2. Сохранение старых альянсов или заключение

новых с существующими ядерными державами, которые могут обеспечить необходимую защиту.

3. Попытка достичь региональной договоренности по Ближнему Востоку, свободному от ЯО.

Напомню, что при рассмотрении проблемы ядерного распространения на Ближнем и Среднем Востоке в целом, можно говорить о трех его моделях.

1. Латентное распространение, когда государство состоит в ДНЯО и, внешне выполняя условия Договора, тайно развивает военные ядерные программы, позволяющие приобрести научно-технические предпосылки для создания ЯО. В определенный момент оно может выйти из ДНЯО и даже провести ядерное испытание, став очередным де-факто ядерным государством. Сохранение членства в ДНЯО и продолжение легальных мирных ядерных программ с использованием внешних поставок объективно порождают научно-технические предпосылки для создания ЯО через опыт обращения с ядерными материалами и технологиями, экспертизу и более всего – через элементы полного топливного цикла (главным образом обогащение урана и сепарацию плутония).

2. Распространение «первого уровня» (first-tier), когда материалы и/или технологии покупаются или хищатся у частных компаний, либо ядерные государства (признанные или непризнанные) помогают другим странам нелегально осуществлять программы по созданию ЯО и средств его доставки.

3. Распространение «второго уровня» (second-tier),

когда государства с различными технологическими возможностями в ядерной области помогают друг другу в осуществлении упомянутых программ, восполняя отставание и пробелы в технологии друг друга.

И если в отношении Ирана существуют серьезные подозрения, что он идет по первому из указанных путей ядерного распространения, то в отношении КСА большинство специалистов из разных стран сходятся во мнении, что страна может пойти по второму или третьему пути.

Таким образом, учитывая, что ЯО продолжает играть определенную и немаловажную роль в региональных балансах сил, можно выделить факторы, стимулирующие процессы распространения ЯО в рассматриваемом регионе.

1. Несоответствие между фактической ролью государства и ролью, на которую оно претендует в регионе. В этом случае стремление к обладанию ЯО выглядит как желание обрести необходимый престиж, но на деле является стремлением обеспечить военно-технические условия для формирования собственной сферы влияния.

2. Ощущение стратегической уязвимости перед лицом более сильных соседей или более мощного высокоразвитого государства, вызывающее стремление в кратчайшие сроки получить ЯО, которое, если и не обеспечит выполнение «наступательных» задач, то, как минимум, застрахует страну от полного поражения и гарантирует интернационализацию конфликта в кризисной ситуации.

3. Стремление регионального центра силы обеспечить свою гегемонию путем отсечения возможностей других стран региона эффективно использовать союзнические связи с внерегиональными силами для противодействия этому.

Теоретически можно предполагать, что при определенном развитии международной ситуации вероятно повышение интереса КСА к обладанию ЯО в силу каждого из этих факторов. Первого – в случае желания КСА обрести лидирующие позиции на Ближнем Востоке при ослаблении не только Ирака, но и Ирана (что вероятно, после военных действий против него). Второго – при ощущении Саудовской Аравией реальной опасности от ядерного Израиля, Ирана (в случае создания им ЯО) или даже США. При стремлении КСА обеспечить свою гегемонию на Ближнем Востоке при определенных обстоятельствах и условиях могут возникнуть отношения сотрудничества с Ираном, в том числе в военно-стратегической области. Тогда в качестве стимулирующего процесс распространения ЯО в Саудовской Аравии может рассматриваться третий фактор.

В целом фундаментальную для прогнозирования проблему трансформации роли ядерного фактора на Ближнем и Среднем Востоке целесообразно рассматривать в контексте общей многоуровневой проблемы безопасности в регионе.

В качестве первого уровня целесообразно рассматривать отношения между странами – членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) (Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, КСА). Второй уровень анализа проблемы, охватывая первый, включает Египет, Судан, Израиль, Иорданию, Йемен, Ирак, Сирию, Ливан, Кипр, Турцию. Третий уровень безопасности может быть представлен отношениями всех вышеназванных государств и расширен за счет Ирана и Афганистана. Внешний же уровень определяется отношениями с внерегиональными глобальными силами. Хотелось бы отметить еще раз, что роль этого «внешнего» уровня, представленного, в первую очередь, Соединенными Штатами – крупнейшей ядерной державой, имеющей доминирующее влияние и стремящейся к еще большему влиянию в регионе, существенно возросла в последние годы.

Однако в заключение мне хотелось бы сказать, что ядерное распространение в целом и распространение на Ближнем и Среднем Востоке, в частности, не является ни бесконтрольным, ни неизбежным процессом. Средства, необходимые для снижения спроса на ЯО, по-прежнему, существуют и эффективны при условии, что все заинтересованные страны будут конструктивно и своевременно использовать новые подходы к обеспечению режима ядерного нераспространения и международной безопасности.

Российский взгляд на ядерную программу Ирана

(Ахтамзян Ильдар Абдулханович, МГИМО МИД РФ)

Иранская атомная проблема включает в себя ряд взаимопереплетённых вопросов. На мой взгляд, методически важно отделить проблемы, вытекающие из строительства АЭС «Бушер», от аспектов, связанных с разнообразными программами Ирана в области ядерно-топливного цикла (ЯТЦ).

АЭС в «Бушере» достроена, физический пуск состоялся, и через два месяца ожидается выход АЭС на полную мощность. Ядерные материалы из России загружены в реактор, находятся под контролем МАГАТЭ и не вызывают вопросов до момента извлечения облученного ядерного топлива (ОЯТ). Соглашение об отправке ОЯТ в Россию достигнуто ещё в 2005 г., таким образом, после его выполнения вероятность несанкционированного вы-

деления плутония из ОЯТ в оружейных целях равна нулю.

Все вопросы к Ирану лежат в области ЯТЦ. «Чувствительные фазы» мирного ЯТЦ смыкаются с потенциальной незаявленной военной программой государства-нарушителя ДНЯО. На сегодняшний день неизвестно ни одного факта, подтверждающего нарушение Ираном Договора о нераспространении, прежде всего – осуществление военной ядерной программы в Иране или хотя бы принятие решения о её осуществлении. Это не снимает озабоченности теми фазами мирного ЯТЦ, которые официально реализуются в Иране, прежде всего по обогащению урана.

Запуск в январе 2012 г. второго предприятия по обогащению урана («Фордо» в районе Кума) вызвал заслуженную критику со всех сторон. К апрелю 2012 г. общее количество низкообогащённого урана на предприятиях в Натанзе и «Фордо» достигло 5,500 кг. Объявлено о дообогащении части этого материала до уровня в 19,75%, что близко к предельно допустимому МАГАТЭ уровню в 20% обогащения, после которого уран был бы отнесён к высокообогащённому. Игнорируются четыре «санкционные» резолюции Совета Безопасности (СБ) ООН, призывающие Иран приостановить обогащение урана.

Косвенно подтверждают опасения и интенсивные программы Ирана в ракетно-космической области. Соотношение «цена-эффективность» делают нецелесообразным использование создаваемой ракетной техники для применения без боезарядов с оружием массового уничтожения (ОМУ). Так что и здесь встают вполне реально обоснованные вопросы – зачем?

Передача «иранского досье» из МАГАТЭ в Совет Безопасности ООН и принятие ряда резолюций СБ не исчерпывают проблему санкций – к ним добавляются односторонние санкции США и Евросоюза. Вопрос о внешнем силовом давлении на Иран может оцениваться с разных точек зрения, однако пока налицо негативное проявление воздействия санкций. Результаты последних парламентских выборов свидетельствуют об усилении консервативных элементов, так что ослабление сторонников Ахмадинежада вовсе не означает изменение позиции Ирана в направлении, к которому подталкивал Запад.

Россия последовательно подчёркивает примат политико-дипломатических методов урегулирования проблемы. Программный характер имело выступление министра иностранных дел России С.В.Лаврова 12 июля 2011 г., суть которого – поэтапный подход (step-by-step approach) к такому урегулированию. Начинаясь в апреле 2012 г. новый раунд переговоров «международной шестёрки» с Ираном должен, на мой взгляд, прояснить, в

чём видят переговорщики этапы продвижения к искомой цели. В качестве первого логичного шага с иранской стороны, как представляется, можно было бы попросить о приостановке дальнейшего дообогащения урана до уровня в 19,75% после накопления количеств, достаточных для производства загрузки топливом исследовательского реактора в Тегеранском университете.

Что могло бы послужить стимулом для движения в правильном направлении? У Ирана немало реальных проблем и без санкций Евросоюза и США. «Шестёрка» должна чётко соотнести преодоление экономических трудностей Ирана (например, строительство современного нефтеперерабатывающего завода) с поэтапным снятием озабоченности мирового сообщества.

«Арабская весна» и изменение контекста в иранской ядерной проблеме

(Алексеев Денис Сергеевич, Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского)

В научных и политических дискуссиях последнего времени феномену «Арабской весны», как принято называть серию событий, связанных с революционной сменой режимов в ряде государств Ближнего Востока и Северной Африки, уделяется значительное внимание. Действительно, процесс роста социальной активности в регионе, традиционно состоящем из стран с авторитарными или монархическими режимами, явление, не вполне укладывающееся в привычные рамки политического прогнозирования. Не случайно практически все ведущие мировые аналитические центры признают, что не смогли предсказать появление такого рода процессов в регионе.

О причинах, движущих силах и последствиях данных процессов еще долго будут продолжаться дискуссии среди экспертов, однако одно можно утверждать вполне определенно: «Арабская весна» – это новый феномен в истории современного Ближнего Востока, который будет иметь долгосрочные последствия как для региона, так и для мировой политики в целом. При всем этом можно долго рассуждать о природе и характере данного явления, однако очевидно, что целью участников процесса является свержение светских авторитарных режимов общественными силами, в которых зачастую участвуют радикальные религиозные течения суннитского толка, включая и представителей такой террористической организации, как «Аль-Каида».

События, которые мы наблюдаем, носят не вполне стихийный и автономный характер. На них стараются в той или иной степени повлиять значительное коли-

чество внешних игроков, к которым относятся Аравийские монархии, Турция, Иран, а также некоторые страны Европы и США. Большинство внешних игроков не были готовы заранее к столь стремительному развитию событий в регионе, однако в настоящее время пытаются использовать ситуацию в своих интересах, каковых достаточно много и которые имеют очень глубокие исторические корни. Среди подобных интересов можно назвать и укрепление собственной безопасности, изменение в свою пользу стратегической расстановки сил, общую стабилизацию ситуации в регионе и многие другие.

Стоит оговориться, однако, что в странах Запада, вопреки очень часто приписываемым им сугубо прагматическим целям обеспечения доступа к сырью и энергоресурсам, оценки происходящего на Ближнем Востоке имеют широкий идеологический подтекст. Многие западные эксперты и комментаторы усматривают в событиях «Аравийской весны» демократический подъем против тирании и зарождение основ гражданского общества, столь неожиданного для традиционных условий Востока. Политическая активность широких слоев населения, их стремление к свержению режимов, находившихся у власти десятки лет, заставили многие страны Запада пересмотреть свои отношения даже с самыми близкими своими союзниками в регионе. Так, в период эскалации столкновений на площади Тахрир в Египте США начали оказывать достаточно активное давление на Х. Мубарака с целью вынудить последнего добровольно отдать власть, хотя последние годы Египет был одним из самых надежных партнеров США в решении очень широкого спектра непростых вопросов на Ближнем Востоке. Таким образом, США и многие их союзники в Европе невольно стали в определенной степени заложниками транслируемой ими идеологии демократизации и во многих случаях вынуждены следовать внешней логике процессов, даже осознавая, что они не всегда укладываются в желаемые демократические конструкции.

Тем временем, как утверждают некоторые наблюдатели, события имеют постепенную тенденцию перерастать из устремлений свергнуть светские режимы в конфликт между разными религиозными течениями, в частности, суннитского и шиитского толка. Традиционное соперничество между саудитами и Ираном за религиозное влияние в регионе в нынешних условиях приобретает все более острые очертания. Данное противостояние имеет очень большое значение для каждой из сторон, и ставки тут весьма высоки. Именно поэтому стороны готовы использовать все имеющиеся в их распоряжении средства для достижения своих целей.

Обострение региональной конкуренции заставляет Тегеран больше внимания уделять педалированию собственных преимуществ. В то же время многие внерегиональные игроки, по нашему мнению, стремятся использовать сложившиеся обстоятельства для решения давней проблемы, связанной с иранской ядерной программой. Иными словами, усилить давление на Иран для достижения давно стоящей цели – не допустить его превращения в ядерную державу.

Действительно, соблазн скорейшего решения иранской ядерной проблемы очень велик. Особенно на фоне многолетних безуспешных усилий шестисторонней комиссии по убеждению Ирана отказаться от ядерных амбиций в области вооружений. Однако именно возросшее давление на ИРИ привело к еще большему повышению градуса напряженности в регионе. Угрозы и введение новых санкций, муссирование слухов о возможном силовом решении вопроса вынуждает Иран в свою очередь прибегать к угрозам и демонстрации своих возможностей в области ответных мер. Европейские страны вводят новые режимы санкций, а эксперты и военные начинают все более открыто обсуждать возможные риски и последствия силовой акции.

Без сомнения, превращение Ирана в страну, обладающую ядерным оружием, остается неприемлемым сценарием для большинства государств как внутри региона, так и за его пределами, однако желание усилить давление на Тегеран в условиях подъема исламистских движений и обострение религиозных конфликтов между шиитами и суннитами грозит опасным расшатыванием регионального status quo.

На протяжении довольно длительного времени геополитический баланс в регионе сохранялся за счет наличия нескольких центров силы и конкурирующих идеологий. К наиболее влиятельным из них можно было бы отнести Саудовскую Аравию и ее союзников в Персидском заливе. Эти страны имеют очень влиятельными позициями в лиге арабских государств, обладают значительными материальными ресурсами и мощной идеологической поддержкой среди суннитов Ближнего Востока. Балансом суннитским монархиям традиционно выступает Иран, который также обладает и значительными материальными ресурсами, и влиянием среди шиитских общин в ряде государств региона, а также последовательно выступает против присутствия стран Запада в регионе. Турция также стремится занять более прочные позиции в мусульманском мире, однако светский характер и длительная ориентация на США и НАТО делают ее позиции в настоящее время несколько слабее, чем у двух игроков, упомянутых

нами выше. Очевидно, должно пройти какое-то время прежде чем дрейф в сторону традиционных ценностей и дистанцирование от идеи интеграции в ЕС могут сделать из Турции полноценный полюс силы в регионе.

Тем не менее в то время как ситуация в Сирии тестирует геополитический и религиозный баланс между влиятельными силами региона, усиление давления на Иран со стороны внерегиональных сил грозит нарушить неустойчивое равновесие в пользу Саудовской Аравии и ее союзников, что значительно усилит «суннитский полумесяц» и автоматически приведет Иран к утрате своих позиций. Такая перспектива вызывает большую нервозность в Тегеране и заставляет форсировать движение в реализации своей ядерной программы, что приводит к симметричному эффекту прессинга со стороны Запада.

Действительно, важнейшее влияние на региональную расстановку сил сегодня оказывает ситуация в Сирии, где сценарий гражданской войны становится все более вероятным развитием событий. Сирия, оставаясь одним из немногих союзников Ирана в регионе, остается ключевым элементом в иранской внешнеполитической стратегии и стремление ряда государств к силовой смене режима может быть воспринята в Иране, как очередное идеологическое поражение перед лицом расширения суннитского влияния на Ближнем Востоке. Это переводит конфликт из рационального измерения в конфликт религиозный.

В этом, на мой взгляд, и состоит ответ на вопрос многих экспертов об иррациональной природе иранской ядерной программы, когда большинство специалистов единодушно утверждают, что экономическая составляющая ядерных планов Тегерана абсурдна с точки зрения соотношения экономических затрат и полученного результата. Очевидно, что в процессе поддержания своего идеологического и силового доминирования в регионе, а также недопущения изоляции шиитов, Иран не будет руководствоваться соображениями экономической рациональности.

Кроме того, перспективы прихода к власти в Сирии радикальных исламистов откровенно беспокоят и Израиль, который понимает, что такой вариант развития событий (учитывая нерешенный вопрос Голанских

высот и наличие у Сирии значительного количества вооружений) может быть чреват непредсказуемыми последствиями. Этим можно объяснить осторожную позицию Израиля в отношении режима Б. Асада.

Так или иначе положение, в котором оказывается Иран в результате региональных событий, можно охарактеризовать, как чрезвычайно некомфортное. Испытывая давление по нескольким направлениям, Иран нервно реагирует на любые внешние раздражители, всячески демонстрируя готовность к силовым сценариям. В целом логика процессов, идущих в настоящее время на Ближнем Востоке, ведет к обострению противоречий между различными игроками и центрами силы. Нет никакой уверенности в том, что сегодняшняя региональная повестка дня формируется теми, кто заинтересован в сдерживании иранских ядерных амбиций. В таких условиях важно не оказаться в плену иллюзий относительно понимания природы процессов, которые принесла с собой «Арабская весна» (чем нередко грешат внерегиональные игроки).

Конечно, важно отдавать себе отчет в том, что Иран в данных условиях далеко не жертва обстоятельств, которая подвергается разного рода нападкам извне. Тегеран уже давно ведет достаточно настойчивую политическую линию по превращению себя в крупнейший полюс силы на Ближнем Востоке и готов достаточно жестко отстаивать свои позиции. Однако вопрос о том, стоит ли поддерживать региональных противников Ирана или дать возможность региональным участникам конкурировать друг с другом, сохраняя стратегический баланс, остается открытым. Важно учесть уроки Ирано-Иракской войны, которая во многом привела к формированию режима С. Хусейна в Ираке, а также итоги противостояния СССР и США в Афганистане, которое способствовало приходу к власти движения «Талибан». В обоих случаях внешняя поддержка одной из сторон в конфликтах приводила к негативным последствиям в будущем.

Главным итогом, на мой взгляд, должно стать понимание того, что крайне опасно подходить к решению иранской ядерной проблемы без учета условий, складывающихся в результате «Арабской весны». Любые резкие шаги будут вести к эскалации напряженности и к последствиям, которые очень трудно прогнозировать.

Материал поступил в редакцию 16. 07. 2012 г.